

Лидия Чарская — Фея с петербургского двора

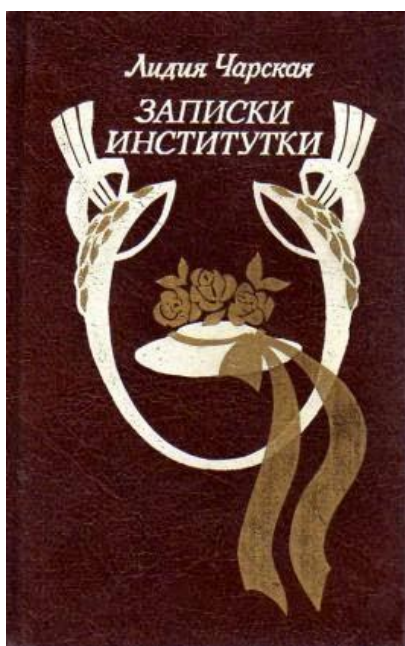

19 января исполняется 140 лет со дня рождения детской писательницы, ставшей властительницей дум нескольких поколений детей, Лидии Алексеевны Чарской. (Правда, в одном из писем издателю Чарская сообщает, что родилась в Санкт-Петербурге в 1878 году.) Ещё совсем недавно ни о Л.А. Чарской, ни о её творчестве большая часть отечественных читателей ничего не знала. Однако в 90-е годы XX века в России стали вспоминать забытые имена. И среди тех, кто вновь вернулся из небытия к читателям, была замечательная русская писательница Лидия Алексеевна Чарская. А вообще-то вся жизнь Л. Чарской в её книгах, многие из которых автобиографичны.

Настоящая фамилия Чарской Воронова. Она родилась в семье военного инженера полковника Алексея Александровича Воронова, очень рано лишилась матери. После того, как отец вторично женился, Лиду Воронову в 1886г. отвезли в Петербург, где поместили в закрытое учебное заведение для девочек-дворянок — Павловский институт. Здесь она увлеклась чтением и сочинительством. Вспоминая своё детство, она писала: "Почему я переживаю всё острее и болезненней, чем другие? Почему у других не бывает таких странных мечтаний, какие бывают у меня?" С 10-ти лет Лида пишет стихи, в 15-ть она начинает вести дневник. Постепенно литературный труд превращается в насущную осознанную потребность, которая становится впоследствии делом её жизни. В 1893г. Лида Воронова с отличием заканчивает институт и вскоре выходит замуж за блестящего молодого офицера Бориса Чурилова. Вскоре Бориса направляют на службу в Восточную Сибирь. Лидия с маленьким сыном Юрием остаётся в Петербурге.

Из-за материальных трудностей, а также вследствие стремления реализовать врождённые артистические способности Лидия Чурилова поступает на Драматические курсы при Императорском театральном училище, где преподаватели отмечают её незаурядность. После окончания Драматических курсов Лидия определяется в Александринский Императорский театр Петербурга, в котором прослужила с 1898 по 1924 год. Именно там, на сценических подмостках, родился псевдоним «Чарская». Однако второстепенные и эпизодические роли, которые доставались Лидии Алексеевне, не приносили ей ни душевного удовлетворения, ни материального благополучия. И вот однажды, решив подыскать себе какой-то дополнительный

заработок, она зашла в издательство узнать, не нужна ли им переписчица. В издательстве попросили принести образцы почерка, и Лидия Алексеевна предложила посмотреть свои дневники, которые вела на протяжении институтской жизни. Через неделю Чарская получила телеграмму, в которой издательство поздравляло её с готовой книгой. Таким, можно сказать, чудесным образом появилась на свет повесть

«Записки институтки», а журнал «Задушевное слово» товарищества М.О.Вольф стал регулярно печатать новые произведения пока ещё никому не известной молодой писательницы, произведения яркие, искренние и занимательные. «Княжна Джаваха», «Люда Влассовская», «Вторая Нина», «За что? Моя повесть о себе» — первые повести, покоровшие детскую и юношескую аудиторию России. А следом, казалось, бесконечным потоком хлынули новые повести, стихи, рассказы, сказки, пьесы. При этом они были рассчитаны на разный возраст: для малышей, подростков, юношества. Не остались без внимания писательницы и взрослые читатели. И каждое произведение ждал потрясающий успех. Многие повести и романы переводились на иностранные языки: немецкий, польский, чешский, французский, английский. Вскоре была учреждена стипендия для гимназисток имени Лидии Чарской.

Ошеломляющий успех мало что изменил в жизни Лидии Вороновой, теперь уже в замужестве Чуриловой. Она по-прежнему считала своим призванием не литературу, а театр. Старательно играла второстепенные роли. Кроме того, основной доход книги приносили издателям, а не автору. За переиздания Чарской вовсе ничего не платили. Первый муж Лидии Алексеевны, Борис Чурилов, погиб на германском фронте, надо было одной растить сына. Богатых родственников не было, надеяться она могла лишь на себя, на свой талант и трудолюбие.

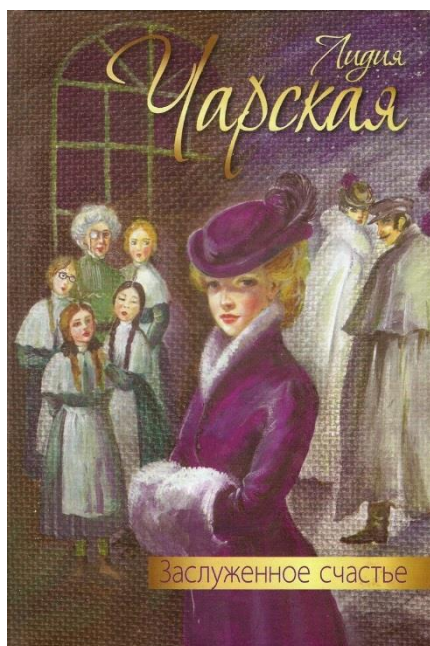
Молодая писательница стала кумиром подростков. Особенную привязанность и доверие к ней испытывали девочки. Она казалась им феей, исполнительницей желаний. Самой же любимой повестью Чарской среди подростков была «Княжна Джаваха». Многие верили в истинность описанных событий и приходили на Новодевичье кладбище, чтобы найти могилу княжны Нины.

Семнадцатилетняя Марина Цветаева в 1909 г. пишет стихотворение «Памяти Нины Джаваха»:

Всему внимая чутким ухом,
- Так недоступна! Так нежна! —
Она была лицом и духом
Во всём джигитка и княжна.
Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов...
Смерть — окончанье лишь рассказа.
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Юная поэтесса, несмотря на свой возраст, обладала хорошим литературным вкусом и поэтическим чутьём. Следовательно, в творчестве Л. Чарской не было той бульварщины, мещанства, в которых писательницу стали обвинять её недоброжелатели..

В 1913 году журнал «Задушевное слово» писал: «В истории новейшей детской литературы, на наших глазах произошёл факт совершенно необыкновенный: появилась писательница, которая буквально заполонила сердца юных читателей, стала их кумиром..., писательница, произведениями которой дети всех возрастов положительно зачитываются, писательница, которую они ставят рядом с величайшими корифеями русской художественной литературы». Л.А.Чарская была мастером короткого рассказа, особенно ей удавались святочные и пасхальные рассказы. Чарская считается автором, по одним источникам, более 80, по другим, 160 повестей и романов. За 20 лет творчества из-под пера писательницы вышли 20 сказок и 200 стихотворений.

В отчётах библиотек Российской империи библиотекари отмечали повышенный интерес к произведениям Л.А.Чарской. Было замечено, что дети за исследуемый период времени (1911г.) 792 раза заказывали книги Чарской и лишь 232 раза — книги Ж. Верна. Л. Толстой и Ф. Достоевский в запросах детей вообще отсутствовали. А в анкете, подготовленной одной из детских библиотек, на вопрос «чем не нравится библиотека» был получен ответ: «Нет книг Чарской». В восьми женских гимназиях России в 1911г. девочки в сочинении на тему «Любимая книга» почти единогласно указали произведения Чарской. Комиссия при Московском обществе распространения знаний докладывала на съезде по библиотечному делу, что, согласно проведенным опросам, дети среднего возраста читают в основном Гоголя (34 %), Пушкина (23 %), Чарскую (21 %), Твена (18 %), Тургенева (12 %).

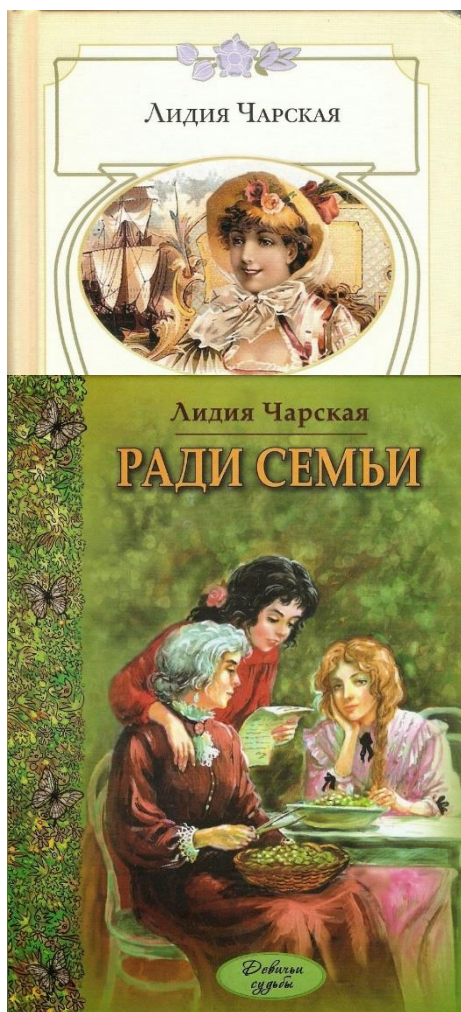
Герои Чарской влюблялись, прятали слезы в подушку, много мечтали, много ахали и часто падали в обморок. А взрослые переживали смуты, войны, разгоны Думы, царские манифесты и разгул терроризма, они читали по утрам «сводки с театра военных действий». Какое дело им было до Чарской с ее «кукольными» страстями? Нет, она их только раздражала своей сентиментальностью, трогательностью и, главное, несвоевременностью всех этих тонких и нежных чувств. Даже такие проницательные критики, как Корней Чуковский, писали о Чарской лишь в насмешливом тоне. Никто из критиков не увидел в прозе Чарской, безусловно слабой и беспомощной рядом с Чеховым и Толстым, ее редкого достоинства – эмоционального тепла, столь необходимого детям в неуютные переломные эпохи.

Ее книги читали при свече, керосинке, при пляшущем огне буржуйки, белыми ночами у раскрытого окна или на скамейке под липами. Над этими книгами счастливо забывались юные сестры милосердия в санитарных поездах Первой мировой войны. Над ними плакали русские изгнанники, увозившие книги своего детства в Константинополь, Прагу, Белград и Париж. Ветхие томики книжного товарищества Вольфа ленинградские подростки прятали на заветных полках, заворачивая в советские газеты. «Записки гимназистки», «Княжна Джаваха», «Смелая жизнь»... До революции это были просто книги, они нравились двенадцатилетним девочкам и не нравились многим взрослым. Критики их ругали, издатели наживали на них свои барыши... Но когда все сломалось – империя, границы, железные дороги, банки, армия, весь быт, – эти книги стали чем-то особенным для всех, кому удалось их сохранить. И не только потому, что их больше не издавали и они стали редкостью. Жизнь, отразившаяся в этих книгах, – вот что исчезло как дым. Остались только эти страницы – как частица утраченного детского рая, как последнее свидетельство о том, что он был...

Катастрофа 1917 года и Гражданской войны кроме всех известных последствий поставила крест на детской литературе как словесности особой бережности, чувствительности и нежности. Последняя публикация Чарской, повесть «Мотылек», так и осталась неоконченной, журнал «Задушевное слово» закрылся в 1918 году. В 1924 г. Чарская была уволена из театра. Лидия Алексеевна разделила судьбу своих маленьких читателей. Голод, нищета, унижения – все было. Корней Чуковский, бывший столь непримиримым к ее творчеству, помог ей получить переводы и заработать кое-что на хлеб.

С первых лет советской власти ей запрещено было печататься и под собственным именем, и пользоваться псевдонимом, принесшим ей славу. Четыре тоненькие книжки для малышей, которые ей удалось издать в 1920-е годы, вышли под убогим мужским псевдонимом Н. Иванов. Она жила на маленькую актерскую пенсию, тяжело болела. Но в это же время ее книги, изданные до революции, находили новых преданных читателей, ей вновь писали письма, а библиотекари вынуждены были докладывать «наверх», что книги Чарской остаются в числе самых популярных у детей.

И вот тогда чиновниками Наркомпроса было решено изъять все книги Чарской из библиотек. Произведения Чарской и даже её имя навсегда подлежали изъятию. Из государственных и школьных библиотек книги Чарской исключались и уничтожались. Именно из-за этого в настоящее время весьма сложно составить полную библиографию её произведений. В школах устраивались показательные «суды» над героями книг Л.Чарской, её громили в газетах, поносили с трибун... Не сажали в тюрьму, не ссылали, но почти двадцать лет, до своей смерти в 1937 году, она прожила в обстановке поношений, запретов, явной и скрытой враждебности.

На прошедшем в 1934 г. Первом съезде писателей СССР С.Я.Маршак назвал творчество Л.А.Чарской «сорной травой детского чтения». Однако при этом заметил: «Убить» Чарскую, несмотря на её мнимую хрупкость и воздушность, было не так-то легко. И лишь один писатель пытался защитить Л.Чарскую от клеветы и нападок — Ф.К. Сологуб. Незадолго до смерти он написал статью о творчестве Чарской (1926) и передал её в журнал «Звезда», а копию статьи послал Лидии Алексеевне. В этой статье Сологуб так оценивал творчество Чарской: «На всём протяжении русской детской литературы (а может, и всемирной) не было писателя столь популярного среди подростков, как Чарская. Популярность Крылова в России и Андерсена в Дании не достигало такой напряжённости и пылкости». Сологуб называл творчество Л.Чарской «одним из лучших явлений русской литературы». Высшую этическую ценность её произведений он увидел в том уважении, с каким писательница относилась к детям. «Чарская имела большую дерзость сказать, что дети не нуждаются ни в воспитании, ни в исправлении от взрослых. Ещё большую дерзость — хотя, конечно, после Л.Толстого и не новую, — учинила Чарская, показавши, как и сами взрослые воспитываются и исправляются детьми. И если дети всё это восприняли по наивности своей не как дерзости, а как высокую художественную и житейскую правду, то этих двух дерзостей педагоги

и родители не могли и не могут простить Чарской». Лидия Алексеевна была весьма признательна Ф. Сологубу за оценку её таланта. Однако редакция «Звезды» статью отвергла.

Но были люди, не оставившие в те тяжкие годы Лидию Алексеевну. Соседские девочки тайком приносили ей что-нибудь поесть. Юноша, читавший Чарскую еще в детстве, не побоялся помочь своей любимой писательнице, а через несколько лет стал ее мужем. Увы, мы не знаем ни имени его, ни дальнейшей судьбы. Сын Лидии Алексеевны от первого брака, Юрий Чурилов, стал военным и в тридцатые годы служил на Дальнем Востоке (по другим сведениям, он погиб еще в Гражданскую).

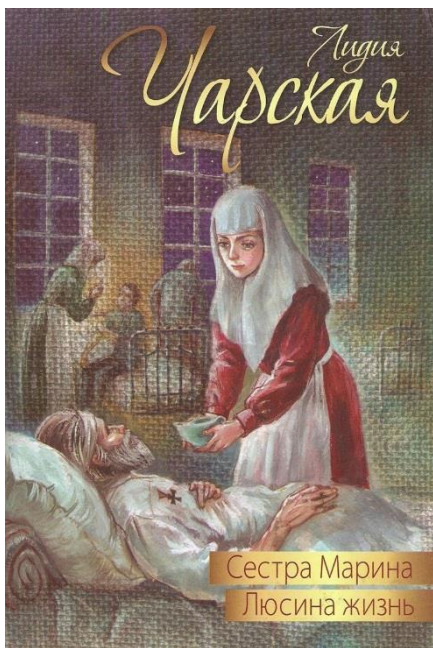
18 марта 1937 г. в возрасте 62 лет Л.А. Чарская умерла в полной нищете (в комнате не осталось даже стула). Скрамная могила Лидии Чарской на Смоленском кладбище не забыта. Кто-то ухаживает за ней, приносит цветы.

Если бы взрослые знали, что ждет впереди маленьких читателей Чарской... Быть может, именно Чарская продлила детство многим мальчикам и девочкам десятых – двадцатых годов XX столетия. Но могла ли она укрепить их сердце, волю, научить терпению и мужеству? Дети, вывезенные из блокадного Ленинграда, попали в интернат и оказались там под опекой доброй женщины, из того поколения, что выросло на Чарской. Лишенные книг, измученные пережитым, они с жадностью слушали в ее пересказе любимые ею повести.

Юлия Друнина вспоминает, что в детстве произведения Чарской произвели на нее "оглушительное впечатление": *«Уже взрослой я прочитала о ней очень остроумную и ядовитую статью К. Чуковского. Вроде и возразить что-либо Корнею Ивановичу трудно. Вот хотя бы почему это девицы у писательницы на каждом шагу хлопаются в обморок? Попробуйте, мол, сами — не удастся! Действительно!.. Хотя в обморок дамы падают не только у Чарской, но и у Толстого, Тургенева, Пушкина. Я и сама задумывалась, как это удавалось нашему брату в прошлом веке... Понимаю, что главное в статье Чуковского конечно же не обмороки. Главное — обвинение в сентиментальности, экзальтированности, слащавости. И должно быть, все эти упреки справедливы. И все-таки дважды два не всегда четыре. Есть, по-видимому, в Чарской, в ее восторженных юных героинях, нечто такое — светлое, благородное, чистое, — что трогает в неискушенных душах девочек (именно девочек) самые лучшие струны, что воспитывает в них (именно воспитывает!) самые высокие понятия о дружбе, верности и чести. Я ничуть не удивилась, когда узнала, что Марина Цветаева «переболела» в детстве Чарской. И как это ни парадоксально, в сорок первом в военкомат меня привел не только Павел Корчагин, но и княжна Джаваха — героиня Лидии Чарской...»*

Известные советские писатели В.Панова, Б.Васильев, Л.Пантелеев уже в 50-60-е годы, вспоминая свой литературный путь, отмечали, какое воздействие на них оказали в своё время книги Чарской. Они говорили о том, как благодарны ей «за незабываемые эмоции и уроки любви к русской истории».

По словам Бориса Васильева: *«Если Григорий Петрович Данилевский впервые представил мне историю не как перечень дат, а как цепь деяний давно почивших людей, то другой русский писатель сумел превратить этих мертвецов в живых, понятных и близких мне моих соотечественников. Имя этого писателя некогда знали дети всей читающей России, а ныне оно прочно забыто, и если когда и поминается, то непременно с оттенком насмешливого пренебрежения. Я говорю о Лидии Алексеевне Чарской, чьи исторические повести — при всей их наивности! — не только излагали популярно русскую историю, но и учили восторгаться ею. А восторг перед историей родной страны есть эмоциональное выражение любви к ней. И первые уроки этой любви я получил из «Грозной дружины», «Дикаря», «Княжны Джавахи» и других повестей детской писательницы Лидии Чарской».*

Евгения Гинзбург также высоко ценила творчество Чарской: «И что это за гонения на Чарскую? Страшнее Чарской зверя нет! Сентиментально, видите ли. Так ведь для детей писала. Сначала надо к сердцу детскому обращаться, а потом к уму. Когда еще ум разобратся сможет, а сердце уже сострадать научено. Больше всего боялись сострадания и жалости. Заметьте, сознательно безжалостность воспитывали».

Публицист Юрий Безелянский тоже считает, что запрет на книги Чарской в советскую эпоху был связан именно с тем, что эти книги воспитывали в детях гуманное отношение к людям, несовместимое с новой идеологией: «Книги Чарской затрагивали самые чувствительные струны в восприятии юных читательниц, заставляя их сопереживать и сострадать героям книг, подражать их искренности, доброте, вместе с ними мечтать, любить и верить, что добро обязательно победит зло. Чарская писала

добрые книги и в этом был корень их популярности».

Когда через семьдесят лет книги Чарской разрешили снова издавать, а дети вновь стали ими зачитываться, строгие критики опять поморщились: зачем нашим современным детям эти гимназические страдания и клятвы? К счастью, у детей свой взгляд на то, что устарело, а что нет. В детских библиотеках книги Чарской почти всегда на руках. Взрослым же, как и сто лет назад, трудно понять, как притягательна в двенадцать лет эта книжная жизнь, где черное – черно, а белое – белоснежно и у короля – доброе сердце.

Насколько интересно читать произведения Чарской современному читателю? Для взрослых — это проникновение в историю, быт начала XX века, хотя, конечно, для современного взрослого читателя произведения Чарской кажутся несколько наивными. Для ребёнка — это, практически, те же проблемы, что возникали перед детьми того времени: проблемы дружбы, взаимоотношения со сверстниками, с педагогами, с коллективом. Чарская сумела предугадать многое из того, что и сегодня волнует подростков.

Вот, к примеру, повесть «Некрасивая», где героиня, Лиза Гродская, одна выступает против всего класса. Читая о княжне Нине Джавахы, мы видим, что жизнь институтки мало отличается от жизни современных школьников: те же обидные прозвища и дразнилки, шалости и безобразия, бездумное подчинение мнению коллектива («будь как все», «нечего выделяться»), те же «шутки» и «приколы» над учителями. Нине объявляют войну, как и Лене Бессольцевой в повести В. Железникова «Чучело», но она решает терпеть и проявляет инакомыслие, берёт на себя вину и приходит на помощь своим одноклассницам, которые осознают свою вину и пишут на доске: «Ты лучше, и честнее, и великодушнее нас всех. Мы очень извиняемся перед тобою за всё причинённое тебе зло...»

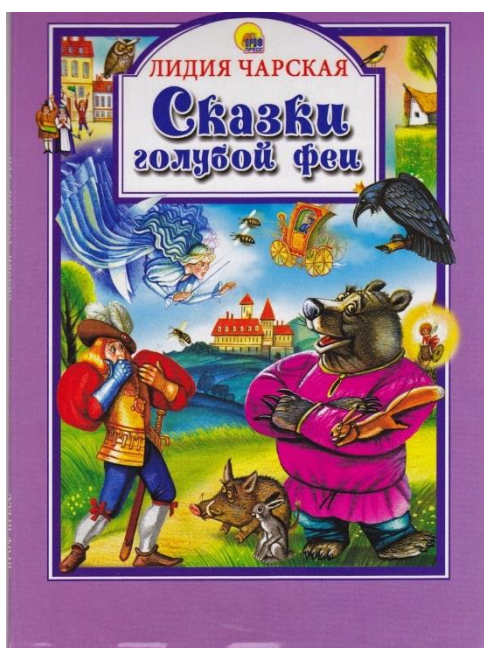
Она писала о доброте и уважении, мечтательности и наивности, любви и сострадании, бескорыстии и верности, благодарности и

самоотверженности. Это и проблемы определения своего места в жизни, отношения к

богатым и могущественным людям, проблемы выбора идеалов. Как и прежде, перед подростками возникает вопрос: ради чего жить — ради карьеры, денег или ради любви и служения ближним, ради реализации своих талантов? Никто до Чарской в русской литературе так проникновенно не говорил с подростками. Никто так не говорил и после, включая советских классиков. Мало кто и сейчас с такой убедительностью, любовью и пониманием говорит с подростками о личной вере, о первой любви, о жажде подвига. Книги Л.Чарской и перед современным подростком открывают истинную красоту мира, глубину чувств, широту горизонта, подсказывая решения жизненных конфликтов.

Сама Л.А. Чарская, оценивая свою работу, как воспитание нравственных идеалов, писала: «Этика души ребёнка — это целая наука, целая поэма и целое откровение. К ней надо подступать нежно, чуть слышно, осторожными ласковыми руками...». В чём же всё-таки феномен Чарской? Прежде всего, в уважении к ребёнку, в понимании его психологии. Чарская писала, что целью ее творчества является «Вызвать добрые чувства в юных читателях, поддерживать их интерес к окружающему, будить любовь к добру и правде, сострадание»

Долгие годы нам внушали по радио и телевидению, в газетах и книгах: совершать отвратительные поступки ради высокой цели не только можно, но и почетно. Оттого и не в чести были писатели, которые объясняли в своих книгах, что добро не может быть, в зависимости от обстоятельств, хорошим или плохим. Добро - это добро, а зло - это зло. Потому и были у нас запрещены книги Лидии Чарской, для которой не существовало "рабоче-крестьянской" или "дворянской" доброты, а только общечеловеческие понятия чести, доброты и сострадания.

"Сказки Голубой феи" - одна из лучших книг Лидии Чарской, ею зачитывалась когда-то вся Россия, а потом эта книга исчезла и из библиотек, и с прилавков книжных магазинов, ее изъяли и до наших дней не переиздавали. В нежных сказках Л. Чарской, которые вернее было бы назвать притчами, герои чаще всего короли, королевы, принцы и принцессы, но сами сказки очень демократичны, в них так и светится любовь к простым, бедным людям. Не та показная любовь, в которой клянутся народу вельможи, а настоящее живое сострадание их горю и беде.

Одна из сказок называется "Дочь Сказки", и говорится в ней о красавице королеве Сказке, которая рассказывала "много, без устали о том, что делается на земле и под землею, в морях и на небе, и какие светлые духи живут высоко за облаками". Одно только печалило и тревожило сладкоречивую королеву: дочка Правда-королевна... "Насколько мать приветлива и прекрасна, настолько дочь ее резка со всеми и некрасива... Правду-королевну никто не любит в лесу". Никто не захотел взять замуж некрасивую Правду-королевну, и только Король Справедливости и Правосудия женился на ней. При нем она похорошела и расцвела. Только в той стране, где царствуют Справедливость и Правосудие, хорошо живет Правда - вот простая, но такая важная мысль автора.

Еще об одном замечательном человеческом свойстве неустанно напоминает нам Лидия Чарская - о скромности. Стоило японской девушке Хане променять свой простой, но волшебный пояс на нарядный - как все волшебство исчезло. Не во внешности богатство! Ах, как было бы хорошо, если бы молодые люди, которые разъезжают на красивых иностранных машинах и бесцеремонно расталкивают людей в очередях, вспомнили об этой заповеди Лидии Чарской.

Сказки Лидии Чарской подчас очень грустны, но ведь и Правда не всегда бывает веселой - об этом последняя сказка книги "Веселое царство". Но сказки ее победили время, а точнее, безвременье, и еще многие поколения ребят будут учиться доброте, отваге, честности и бескорыстию по ее умным лиричным книгам.

Книги Лидии Чарской по-прежнему любимы многими читателями. Конечно, сейчас, как и более ста лет назад, её произведения предпочитают девочки, а мальчики по-прежнему любят приключения Жюль Верна и детективы А. Конан-Дойла. Это исторические повести о дворцовых переворотах, о кавалерист-девице Надежде Дуровой, о жизни преподобного Сергия Радонежского, о борьбе горцев за свободу. Детские стихи и «Сказки голубой феи», кавказские предания; приключенческие повести о сиротках (самая известная, пожалуй, «Сибирочка»). И, наконец, романы и повести о воспитанницах гимназий и женских пансионов («Княжна Джаваха», «Записки институтки»).

Стоит заметить, что современные кинематографисты не оставили без внимания интерес публики к произведениям Л.А.Чарской. Так, в 2003 г. режиссёром В.Грамматиковым был снят телесериал «Сибирочка» по одноименной повести писательницы. Жаль, что ее историко-героические произведения не вызвали интереса у кино- и телережиссёров.

Фото с сайта <http://www.diary.ru/~charskaya/?tag=1137>

Вспомним её сказки и стихи:

Лидия ЧАРСКАЯ **Дочь Сказки**

Там, где сплелись ветвями ивы зеленые, где глухо шумит день и ночь большое лесное озеро, там, куда золотые звезды заглядывают по ночам робко и пугливо, там живет Сказка-королева.

Много лет королеве, старая она, не одну сотню тысяч лет живет она на свете. А по лицу и не подумаешь, что такая старуха Сказка. Лицо у нее гладкое, юное, свежее и такое прекрасное, что звезды любят, глядя на нее, а озерные волны глухо шумят, красоте ее завидуя. Глаза у Сказки темные, глубокие и так горят, что глядеть жутко; щеки румянцем пышут; алые губки как птички щебечут; волосы у Сказки золотой сверкающей волной спускаются до самой земли.

Одета она всегда пестро и нарядно в одежду не то лиловато-красную, не то голубовато-розовую. И белого, и желтого, и зеленого много в ее наряде. А на голове – веночек из цветов, такой душистый, что голова кружится, если близко подойти к Сказке.

Живет Сказка-королева в самой чаще зеленого леса. Там у нее замок построен, огромный, нарядный. Стены замка кружевные, ажурные, из листьев тополей серебристых и плакучих белостволых берез и ив; трон – из незабудок и ландышей лесных; стража – двенадцать великанов дубов. Стоят они караулом вокруг дворца Сказки-королевы и охраняют свою повелительницу.

Днем спит Сказка на душистом ложе из полевых цветов, а ночью, когда загорятся на небе золотые звезды, тогда пробуждается Сказка, протирает свои темные, красивые глазки и начинает говорить, но так, что кажется, точно поет кто-то среди ночной тишины. Все громче и яснее звучит ее плавно текущая речь. И весь лес, все ее зеленое царство пробуждается тогда и сходится к ее замку: приходят звери, слетаются птицы, букашки и мошки, приползают, шурша по траве, змеи и гады.

И все слушают, слушают.

И звери, и птицы, и гады, и мошки целые часы стоят вокруг неподвижно, словно зачарованные сладким лепетом Сказки-королевы.

Ах как хорошо, как захватывающе интересно все то, что она им говорит! А говорит она много, без усталости, говорит о том, что делается на земле и под землей, в морях и на небе, какие светлые духи живут высоко за облаками, какие темные чудища находятся под землей и в воде. И звери, заслушавшись Сказку, покорно ложатся у ее ног, и змеи смотрят на нее умиленными глазами, и бурные волны стихают, не завидуя

больше ее сверкающей красоте, а золотые звезды улыбаются еще мягче и ласковее с далекого неба. Улыбаются и кивают Сказке-королеве. И только с первыми лучами солнца замолкает Сказка и, утомленная и счастливая, падает на свое душистое ложе и засыпает на нем, как беззаботный ребенок на руках няньки.

А двенадцать сторожевых дубов простирают над нею ветви, чтобы защитить ими от солнечных лучей и жары свою королеву...

* * *

Всем хороша и радостна жизнь Сказки в ее зеленом царстве. Всем хороша, только...

Одно горе у прекрасной королевы, большое горе! Есть у Сказки дочка – Правда-королевна. Вы думаете, что такая же она красавица, как и ее мать? Нет! Вы думаете, что у нее, как у ее матери, глаза сверкают, как звезды, и глубоки, как волны лесного озера? Нет! Вы думаете, что лицо у нее нежное и румяное, а губки милы и постоянно смеются? Опять нет!

Насколько мать приветлива и прекрасна, настолько дочь ее резка со всеми и некрасива.

Королевна еще девочка, а на вид старше матери. Худая, бледная, со старушечьим лицом, с мрачно горящими глазами, пронизывающими, как молнии, с длинными черными волосами.

Правду-королевну никто не любит в зеленом лесу. Звери при виде ее ворчат глухо и свирепо. Змеи шипят, посверкивая на нее своими маленькими злыми глазками, а мошки стараются досадить ей, чем только могут.

Давно бы расправились с нею и звери, и гады, да только из любви к ее матери Сказке не трогают королевну Правду, да боятся строгого взгляда ее больших, блестящих, страшных глаз. Глаза у Правды такие, что от них за десятки, за сотни верст убежать хочется. Так и жгут они, так и пронизывают душу. Подойди-ка к ним, попробуй – не подступишься! А больше всего глаза эти смущают саму Сказку.

Только зачарует кого-нибудь чудными рассказами Сказка-королева, а в эту минуту взглянет Правда на мать своими молниями-глазами, и пошла потеха: запутается, собьется Сказка, слова рвутся с языка, а выйти из уст не могут. Ни единого звука не в силах под взором дочери произнести старая королева. Беда, да и только!

И звери рычат, и змеи шипят на Правду, а ей хоть бы что!

Смеется!

Пристали как-то звери к королеве с просьбой:

– Накинь ты на глаза дочери покрывало, чтоб не видели мы их, чтоб не смущали они зря ни тебя, ни нас.

Послушалась королева. В темноте нежных ночей по ее приказанию мотыльки тишком сплели из лепестков розы и дикого жасмина пестрое покрывало на глаза Правды.

Перестали сверкать молниями глаза королевны. Да только от этого лучше не стало. Придет на ночной праздник Правда и в самый разгар рассказа матери возьмет и сорвет покрывало с глаз.

И опять засверкают молнии-глаза, и опять сбивается и путается в речах королева Сказка. А Правда заливается, хохочет:

– Не так-то легко победить меня, милые!

Снова просят Сказку-королеву звери, гады, насекомые, птицы:

– Отдай ты дочку замуж, Сказка, да подальше куда-нибудь за море, чтобы не мешала она нам жить, радоваться и твой голос слушать.

Призадумалась королева Сказка. Жаль ей дочери. Любит она по-своему проказницу Правду. Тяжело с ней расстаться. Да вот беда: уж очень она своими проделками всем подданным надоела, жить им мешает.

Захочет ли волк у пастуха из стада ягненка утащить, глядишь, а Правда тут как тут: сверкнет своими молниями-глазами, и волк со страху в три прыжка за версту от стада очутится. Повздорят ли звери из-за чего-нибудь (мало ли споров между своими

бывает), а Правда опять уж тут. Не стыдит, не бранит их, а только посмотрит, ой-ой как посмотрит! Жутко на душе становится. Брр! И, не окончив спора, расходятся по своим берлогам звери. А уж про то, как она матери наперекор все делает, и говорить нечего.

Подумала-погадала Сказка-королева и решила отдать замуж дочку.

Разослала она зеленых кузнечиков и легкокрылых бабочек по всему свету сватать женихов дочке.

Приехали женихи.

И не один приехал, и не два, а целая дюжина женихов сразу. На подбор красавец к красавцу, молодец к молодцу. Все заморские короли и принцы. Разные здесь были: и принц Богатырь, и принц Победа, и король Сила, и король Мир, и королевич Дружба, и принц Любовь, и принц Слава, и еще другие – всех не перечесать.

Черный Ворон стоял у входа во дворец и каркал во все горло, восхваляя достоинства Правды-королевны. Каркал Ворон о том, что у нее, у Правды, все есть: и могущество, и красота, и добродетель.

А в первой зале дворца встречала женихов сама Сказка-королева:

– Милости просим, гости дорогие, добро пожаловать.

Голос у Сказки, как свирель, сладкий, а глаза так и зачаровывают.

Короли и принцы, как увидели королеву, красавицу писаную, так и зашептали в восторге:

– У такой красавицы не может быть некрасивой дочери. Покажи дочку, королева!

Кликнула Правду Сказка. Выбежала королевна, сдернула с глаз покрывало. Да как взглянет!

Господи Боже мой! Что в этом взгляде было? Женихи все, как один, в обморок попадали, а как в себя пришли, давай бежать из дворца Сказки-королевы.

– Ну и дочка! Ну и Правда-королевна!

А Правда заливается, хохочет.

– Вот и просватали меня! – говорит. – Куда только женихи делись?

Пуще закручинилась Сказка-королева. Не выдать ей замуж дочки.

Так дурна собой Правда, что от нее всякий жених за тридевять земель бежит. Что теперь с ней делать?

И вдруг узнает Сказка, что едет к ним новый жених, король какой-то. Имени своего говорить не хочет и, что удивительнее всего, гонцов шлет с дороги сказать королеве, чтобы не беспокоилась из-за уродства дочери, что знает он, как дурна собой ее дочка и какие глаза у нее страшные-престрашные, но все-таки жениться на ней думает, если только сама королевна ему не откажет.

Велела спросить королева, как зовут жениха, но гонцы, строго храня тайну короля, имени его не выдают, прибавляют лишь, что король у них строгий-престрогий.

Заволновалась, засуетилась Сказка-королева, все старания приложила к тому, чтобы лучше встретить жениха-короля.

"Если уж не хороша лицом Правда, так пусть хоть могущественной королевной покажется она королю: поведу его в мои сказочные царства, заколдую, заворожу его моими рассказами увидит он мою власть и женится на дочери ради могущества ее матери!" – решила Сказка-королева.

Нарядила дочку, убрала ее цветами да на всякий случай глаза новым, только что сотканным покрывалом закрыла и пошла с нею встречать на берег озера приезжего короля-незнакомца. Вот услышали они среди ночи звуки труб, звон литавр, увидели роскошную колесницу, а в ней сидит неведомый король, высокий, статный и красивый, только на глазах у него черная повязка одета.

Подивилась королева Сказка такому жениху, однако ничего не сказала.

"Знатный он и важный, по всему видно, а что до повязки, то кому какое дело?" – подумала она.

И так ей захотелось дочку за короля выдать, что тут же она свои чары на него напустила.

Стала рассказывать Сказка-королева. Залепетали ее розовые губки. И под этот лепет им сама она и королевна-дочка, и король приезжий стали спускаться медленно и тихо в глубокое, бурливое лесное озеро.

– Вот мое царство! – говорит королева гостю и снова лепечет, шепчет дивные сказки розовыми устами.

И под чарующие звуки ее голоса журчащие сладко, как рокот арфы, расступились воды лесного озера встали двумя стенами по обе стороны и образовали проход к роскошному хрустальному дворцу. Целая толпа светлооких русалок выбежала навстречу, и все пали ниц перед Сказкой-королевой. Все приветствовали ее. А белые кувшинки с лицами подводных красавиц протягивали пришедшим свои чашечки, в которых были всевозможные сласти и лакомства. В хрустальном дворце звучала невидимая музыка, и сюда вошла Сказка с Правдой и ее женихом.

Лишь только вошли, встал сам царь Водяной со своего трона и уступил его королеве Сказке. А прекрасные светлоокие девы сплелись в стройные хороводы и стали плясать легкий и грациозный танец.

– Вот мое царство! Не правда ли, как я могущественна и сильна? – произнесла торжествующе королева и ждала, что ответит ей ее гость, жених Правды. Но гость не успел ответить.

Звонко засмеялась проказница Правда и сдернула со своих глаз покрывало. Исчез дворец хрустальный, исчезли яства в чашечках кувшинок, исчезли светлоокие плясуньи русалки. Все пропало, как сон.

Королева с дочерью и ее женихом стояли на берегу лесного озера, и, как ни в чем не бывало, глухо шумели его темные воды там далеко внизу. Разгневалась на дочь Сказка-королева, хотела разбранить ее при госте, да побоялась, Хуже не было бы! Чего доброго, не женится еще, отдумает король! А король улыбнулся только. И показалось или нет Сказке, только повязка у него чуть сползла с левого глаза, и лицо чуточку больше открылось.

Еще больше заволновалась Сказка, набросила опять покрывало на глаза Правды и с большим жаром стала рассказывать снова. И чудные картины ее рассказа опять развернулись перед женихом-гостем. Опять сладко зазвучал прекрасный мелодичный голос Сказки, и под эти чарующие звуки подъехала легкая серебряная колесница, запряженная белыми конями.

– Садитесь, король, я покажу вам другое мое царство! – произнесла Сказка и, легко впрыгнув в воздушный экипаж с дочерью и гостем, понеслась к небу, к золотым звездам.

Там они увидели роскошные замки, причудливые беседки: голубые сады, все залитые дивным серебристо-малиновым светом. Какие-то странные крылатые существа, прозрачные, как лунные лучи, окружили теперь их колесницу. Золотые звезды, казавшиеся с земли ярко горящими фонариками, здесь оказывались огромными золотыми дворцами и замками. У одного из таких замков остановились серебряные кони. Крылатые прозрачные существа бросились проворно и ловко прислуживать приехавшим и предупредительно помогли им выйти из серебряной колесницы. Королева пригласила своего гостя войти в золотой дворец. Тот перешагнул порог его и тихо вскрикнул: несметные сокровища наполняли огромные залы.

Тут были грудой навалены драгоценные камни, алмазы, яхонты, сапфиры, изумруды, рубины. Драгоценной рекою переливались бриллианты. И у каждой такой груды стояло на страже крылатое существо в виде страшного дракона, карауля сокровища.

– Вот мои богатства. Найдете ли вы еще что-нибудь такое на земле? – произнесла Сказка-королева, обращаясь к своему гостю.

Но тут снова худенькая ручка Правды быстро сорвала покрывало с глаз и... И все исчезло в один миг, а разгневанная королева, гость-жених и королевна Правда очутились в лесной чаще у входа в замок Сказки-королевы.

Снова улыбнулся король-незнакомец, и опять показалось матери и дочери, что повязка с его глаз сползла еще немного.

Бросила Сказка суровый взгляд на Правду-королевну и, наскоро прикрыв ее лицо покрывалом, вновь повела свой рассказ.

Опять полились дивные, певучие звуки Сказки, и под эту музыку, чарующую и сладкую, ожил лес. Огромные сторожевые дубы превратились в рыцарей-великанов, гибкие тополя – в лесных нимф, древесные пни – в карликов-гномов, цветы – в нарядных красавчиков эльфов. Светляки зажглись в кустах, и весь лес осветился. Сверчки затрещали в траве, а певцы соловьи слетелись к замку Сказки-королевы и засвистели-запели такую красивую, такую упоительную песню, что сама королева Сказка, все еще не переставая рассказывать, закружилась под эту музыку по огромной, ярко освещенной зале дворца. За нею закружились великаны и нимфы, эльфы и карлики. Все заплясало.

Ночные цветы раскрыли свои глазки и с жадным любопытством смотрели на волшебный бал.

– Вот видите, король, как все хорошо и радостно в моем царстве, – произнесла с гордостью Сказка, снова обращаясь к своему гостю, – посмотрите, как веселятся мои подданные, как они всем довольны! И сколько могучих великанов, лесных карлов и воздушных эльфов подвластны мне!

Но едва только успела сказать это Сказка-королева, как Правда опять сорвала с глаз покрывало, и в одну секунду превратились великаны-рыцари в исполинов дубов, карлы – в лесные пни, нимфы – в стройные тополя, а эльфы – в простые цветы. Разом опустел нарядный зал, потухли огни светляков, замолкли певцы соловьи. Все исчезло, скрылось, словно ничего и не было. Пропала исчезла и повязка с глаз короля. Он стоял теперь перед Правдой-королевной и ее матерью во всем блеске своей красоты. Темные глаза его с любовью остановились на худом, некрасивом личике Правды, на ее мрачно горящих глазах.

– Милая, милая Правда-королевна! – произнес он ласковым, нежным голосом. – Давно я тебя знаю, давно ищу тебя по всему свету! И вот только теперь нашел тебя наконец и уже не покину, увезу с собою. Не место тебе здесь, Правда. Я увезу тебя навсегда в большое людское царство; ты подружишься там с людьми, окружишь их своими заботами и ласками, и люди станут добрее лучше от близости к Правде-королевне.

И еще ласковее, еще нежнее загорелся темный взгляд короля. И странно: чем больше смотрел он на свою невесту, тем лучше и лучше становилось некрасивое личико Правды, а когда он взял ее за руку и подвел к своей колеснице, чтобы навсегда отвезти отсюда Правду, Сказка не узнала дочери: мрачные глаза ее сияли чудным светом, и нежный румянец счастья преобразил совсем ее ожившие черты. И стала такой красавицей Правда, что Сказка-королева перед ней со всей своей красотой померкла, потускнела.

– Кто ты, прекрасный король? – прошептала Правда, простившись с матерью и заняв место подле жениха в его колеснице.

– Я король Справедливости и Правосудия, – громко и внятно произнес король и, наклонившись, поцеловал Правду. Мне одному без Правды жить невыносимо. Без нее не могу я один управлять моим царством. Мы с ней должны быть неразлучны и служить людям, и повелевать ими в одно и то же время! Едем же, едем к ним, в далекое людское царство!

Сказал, и взвились на воздух быстрые кони. Взвились и умчали колесницу с королем Справедливости и Правосудия и королевной Правдой.

А Сказка-королева в своем лесу осталась зачаровывать своими рассказами зверей, птиц, гадов и насекомых. Теперь ее чарам не мешает проказница-дочка. Не близко она. В далекое светлое людское царство умчали ее кони короля-жениха.

Лидия ЧАРСКАЯ
Три слезинки королевны

Жил на свете король. У него был роскошный дворец. И каких только богатств не было в этом дворце! Золото, серебро, хрусталь и бронза, драгоценные камни – все можно было найти с излишком в нарядных и роскошных горницах королевского дворца. Красивые мальчишки-пажи, похожие на нарядных кукол, неслышно скользили по комнатам, устланным коврами, и не спускали глаз с короля, желая предупредить его малейшее желание.

Король был не один: у него была жена–королева, кроткая и нежная, с добрыми глазами, прекрасными, как небо в час заката.

Король проводил все свое время в войнах с неприятелями. Когда от возвращался домой, красавица королева одевала свои лучшие одежды и с лютней в руках встречала своего супруга, воспевая его славное мужество и стойкую храбрость в битвах с врагом.

Но ни удачные походы, ни любовь кроткой и красивой королевы, ни несчетные сокровища, ни привязанность подданных не радовали короля. С его лица никогда почти не сходило печальное, унылое выражение. Постоянное горе угнетало короля и его молодую супругу.

У королевской четы не было детей. И когда король думал о том, что некому будет ему оставить ни своего славного имени, ни завоеванных земель, ни бесчисленных богатств, невольные слезы выступали на мужественных глазах короля, и он готов был завидовать последнему бедняку страны, у которого были дети.

После военных подвигов и побед над врагами король ездил по монастырям, делал богатые вклады, прося святых отцов молиться Богу о даровании ему ребенка.

В мирное время король со своим двором переселялся из мрачной столицы в прелестную долину благоухающих роз, посреди которой для короля был построен скромный охотничий домик, где он и проводил все свои досуги. Часто гуляя по долине, наполненной душистыми цветами, королевская чета, восхищенная чудным видом природы, обращала взоры к голубому небу и в горячей молитве просила Бога о даровании им ребенка. И просьба их была услышана.

Однажды, во время одной из таких прогулок, король и королева увидели женщину, закутанную в черное. Она шла навстречу королевской чете, едва касаясь ногами земли, легкая и спокойная

– Мое имя Судьба, – сказала женщина, приближаясь к королю и королеве, – я пришла объявить вам великую радость. Ваша молитва услышана Богом, и Он пошлет вам дочь-королевну, которая будет не только вашим утешением, но и светлым лучом и радостью целого королевства. Она будет прекрасна, как цветок, и добра, как ангел. Но берегите королевну, чтобы она не узнала, что такое горе, что такое печаль и грусть, и чтобы никогда-никогда не пришлось ей пролить по поводу чьего-либо несчастья или горя более двух слез. Не дайте пролиться более двух слезинок из прекрасных глаз королевны, потому что, как только она прольет третью слезу, конец вашей радости, вашему утешению: не будет у вас больше королевны, вы потеряете ее.

Сказав эти загадочные слова, странная женщина исчезла, точно растворилась в воздухе.

Король и королева заплакали от счастья. Одна из королевских слез упала в голубую незабудку, и – о, чудо! – из цветка поднялась прелестная крошечная девочка с голубыми глазами, как две капли воды похожая на короля. О такой хорошенькой королевне и мечтала королевская чета.

Они раскрыли ей навстречу свои объятия. Королевна бросилась в них, горячо отвечая на ласки родителей, точно она давно уже знала и любила их.

Красавицу королевну называли Желанной, потому что отец и мать так долго желали иметь дочь, и в честь ее поднялось шумное ликование по всему королевству. Народ валом повалил к королевскому дворцу, чтобы взглянуть хоть одним глазком в голубые очи королевны Желанной.

С каждым днем росла и хорошела королевна. Отец-король, помня слова Судьбы, позаботился о том, чтобы дочь не увидала людского горя, чтобы она была всегда веселая, довольная, счастливая и нарочно приказал выстроить для нее роскошный дворец, весь розовый, как самый нежный отблеск утренней зари, и благоухающий, как те цветы, что росли по соседству с ним в долине. Стены, потолки, двери во дворце – все было выкрашено в розовый цвет. Окна же дворца были плотно завешены розовыми занавесками, и сквозь эти занавески королевна видела все в светлом розовом цвете: и лес, и долину, и далекую столицу, виднеющуюся на горизонте. Все было розово и прекрасно, ни одна тень не ложилась на этом розовом фоне. Даже бедные лачуги крестьян благодаря розовым занавескам у окон казались нарядными и красивыми.

Розовый цвет – это цвет радости и счастья; оттого-то король и постарался, чтобы Желанная была окружена только этим цветом, видела все в розовом цвете. Другие цвета могли повлиять на ее светлое настроение, могли сделать ее задумчивой и грустной, а грусти королевны боялись пуще всего ее родители.

И многочисленная свита, состоящая из маленьких придворных дам, веселых и жизнерадостных, и кудрявых шалунов пажей, по приказанию короля следила за тем, чтобы королевна не отдернула как-нибудь розовых занавесок.

Заметила королевна, что от нее что-то тщательно скрывают, и явилось у нее желание узнать во что бы то ни стало, что находится там, за розовою занавескою, за стенами замка.

Однажды королевна Желанная проснулась раньше обыкновенного. Маленькие фрейлины, спавшие у ее постели, не слышали, как выбежала королевна из своей розовой спальни, пробежала целый ряд розовых зал, выбежала на розовую террасу, толкнула розовую дверь, ведущую в сад, и исчез розовый цвет... Перед королевной Желанной серый день, дождливое небо, сад, точно нахохлившийся от непогоды, и старые убогие лачужки далеко у опушки большого, темного леса. В саду стоит женщина, старая, болезненная, в лохмотьях, с седыми космами волос, стоит и смотрит на королевну Желанную.

Очень поразила королевну и эта мрачная обстановка, и эта старая женщина, однако она подошла к старухе и сказала:

– Здравствуй, бабушка! Кто ты? Как твое имя?

– Меня зовут Жизнь! – отвечала старуха, сурово взглянув на хорошенькую королевну.

– Ах, неправда! – весело вскричала королевна. – Неправда, что тебя зовут Жизнь. Ты старая и безобразная, а моя мама-королева рассказывала мне, что жизнь юная, розовая и прекрасная, такая же прекрасная, как я. Но кто бы ты ни была, старушка, ты жила много и знаешь, должно быть, все. Скажи же мне, почему стало вдруг так серо, неприветливо и гадко кругом?

– Королевна! – произнесла бабушка Жизнь. – Все было всегда так серо, неприглядно и печально. Только ты не могла видеть этого, потому что через розовые занавески, повешенные у твоих окон, все казалось тебе светлым, розовым и прекрасным. Ты не знаешь жизни, не знаешь людских горестей и страданий и растешь веселой и беспечной принцессой, потому что не видишь горя вокруг себя.

– Но я хочу видеть горе, хочу видеть несчастных, чтобы сделать их счастливыми, я хочу помогать всем людям, кто нуждается в помощи! – вскричала королевна.

– Тогда упроси твоих родителей снять розовые занавески с окон! – произнесла старуха Жизнь.

– Да, да! Я упрошу их! – вскричала королевна и побежала в замок отыскивать родителей.

Ее мать встретила ее на пороге замка. Королева была ужасно напугана исчезновением дочери. Пажи и придворные дамы трепетали за свою участь. Они знали, что их постигнет строгое наказание за то, что они упустили из виду свою юную госпожу.

А когда королевна высказала матери свою просьбу, последняя обмерла от ужаса и с плачем созналась дочери в том, что тщательно скрывала от королевны.

– Ты умрешь, милая Желанная моя, – рыдала королева, – как только выкатятся у тебя три слезинки из глаз. Ты не сможешь увидеть людских страданий и горестей, ты заплачешь, и тогда мы потеряем тебя, такую прекрасную, юную и любимую.

Задумалась на мгновение Желанная. И вдруг тряхнула белокурой головкой и светло-светло улыбнулась матери.

– Мама, – произнес ласково и нежно ее милый голос, – вели снять розовые занавески с окон, прикажи беспрепятственно выпускать меня из замка к людям, чтобы я могла видеть их горе и слезы и помогать им. Не бойся, что я умру, мама. Теперь я видела Жизнь, узнала, какая она старая, сердитая, мрачная и суровая, и хочу, сколько могу, сделать ее улыбающейся и приветливой для несчастных людей. А если ты непустишь меня, мама, я все равно зачехну здесь, в этом розовом замке, и умру с тоски.

Выслушала речь дочери королева и прошептала тихо и покорно:

– Будь по-твоему, дочка. Теперь, когда ты уже вышла за розовую дверь, бесполезно скрывать от тебя то, что ты сама увидела.

И королевна Желанная получила свободу.

* * *

Расцвела, ожила, еще более похорошела королевна. Теперь уже розовый замок и королевские сокровища, веселая свита маленьких придворных дам и пажей и их радостные игры – все это уже не забавляет Желанную. Одета в простенькое платьице убогой крестьянки, с распущенными, раздуваемыми ветром кудрями, она бегаёт по цветочной долине, разговаривая с птицами и цветами, понимая голос трав и былинки, глотая ночную росу с голубых сердцевин незабудок. Она заходит в бедные крестьянские лачуги, и куда они ступят ее маленькие ножки, там всюду воцаряется радость, довольство и счастье. Всех бедняков наделяет королевна деньгами, согревает ласковым взором и добрым обхождением. Довольно одного лучистого взгляда Желанной, чтобы люди забывали свои болезни, немощи и страдания. Не было бедняка в королевстве, который бы не благословлял маленькой королевны. Слава о ней, о ее доброте разошлась по всей стране, и все несчастные стремились к Желанной, чтобы найти утешение и помощь у королевны.

Король по-прежнему воевал с соседними народами, чтобы расширить свои владения и оставить дочери огромное наследство, а мать-королева заботливо охраняла Желанную от всего, что могло причинить ей страдание, и зорко присматривалась к ней, боясь увидеть хоть бы намек на слезу в ее лучистых, голубых глазах.

* * *

– Мама, – сказала как-то королевна, вернувшись с обычной прогулки, – мама, я слышала пение в соседней роще; кто-то заливался там чудной серебристой трелью. Кто это, мама?

Едва только успела произнести это королевна, как сотня гонцов была разслана по роще с приказанием доставить во дворец таинственного певца.

И певец был доставлен. Это оказался соловей – маленькая, серенькая птичка, невзрачная на вид, но владевшая невыразимо чудным голосом. Ее посадили в золотую клетку, где соловушка должен был петь песни. Но соловей молчал. Он не умел петь в неволе. Только вечером, после заката солнца, когда к клетке его подлетела другая такая же маленькая птичка, обе они залились чудесной песней.

В этой песне слышалась смертельная тоска, грусть по зеленому лесу и утраченной свободе и жалоба на людей, на их жестокость и мольба, слезная предсмертная мольба об освобождении пернатого узника. Обе птички горько и жалобно плакали, заливаясь печальной песней. И королевна, все время находившаяся подле клетки, поняла жалобу птичек. Поняла и побежала к матери, умоляя ее выпустить соловья на свободу. Соловья выпустили, но из голубого глазка королевны Желанной выкатилась слезинка, чистая и блестящая, как горный алмаз.

В тот же вечер таинственная женщина Судьба явилась к королевской чете и произнесла грустно и сурово:

– Помните, что ваша дочь пролила первую слезу.

Сказав это, таинственная женщина исчезла.

* * *

Еще сильнее стали заботы королевской четы об их дочке. Еще более нежными ласками осыпали они королевну. Вскоре она забыла про горе маленькой птички и снова стала бегать по цветочной долине и зеленому лесу, снова стала забегать в крестьянские лачуги, осушать людские слезы и исполнять их просьбы.

Как-то раз, гуляя по опушке леса, королевна была поражена непривычными для нее звуками рога и бряцанием оружия. Вдали прямо навстречу к ней, неслась многочисленная группа рыцарей и дам верхом. Они за кем-то гнались. В ту же минуту из-под ног самой королевны, из высокой травы, выскочил маленький насмерть перепуганный погоней зайчик.

Он остановился в двух шагах от королевны, прижал длинные дрожащие ушки к спине и, поводя кругом круглыми, тоскливыми глазками, ждал, казалось, чего-то.

Пиф-паф! – раздался выстрел, и беленький зайчик с окровавленной мордочкой распростерся у самых ног королевны.

Желанная схватила на руки трепетавшего еще зайчика, прижала его к груди и закричала, бросившись навстречу охотникам и их дамам:

– О, злые, злые люди! Что вам сделал дурного этот бедный, невинный зверек? Зачем вы его убили?

При этих словах вторая алмазная слезинка выкатилась из голубых глаз Желанной и повисла на ее темных ресницах.

В тот же вечер таинственная Судьба снова появилась во дворце и сообщила королю и королеве о второй слезинке, пролитой их дочерью.

Прошло много времени. Королевна Желанная выросла и превратилась в прекрасную молодую девушку-невесту – гордость и красу целого королевства. Ее отец-король продолжал свои войны, расширяя владения своей страны в приданое дочери. Одна из таких войн тянулась особенно долго. Победа досталась с большим трудом, но это была лучшая из побед короля. Он пригнал много пленных и привез богатую добычу, отбитую у неприятеля.

Пленных поместили подальше от дворца, чтобы звон их оков и цепей не достиг как-нибудь до ушей королевны.

Однажды, в день возвращения отца из нового похода, королевна Желанная, уже взрослая шестнадцатилетняя девушка, вышла его встречать, окруженная толпою придворных дам.

На всех были праздничные белые одежды. Победные венки украшали их головы. Эти венки девушки должны были бросить под ноги короля-победителя. В руках Желанной была златострунная лютня ее матери, звуками которой девушка приготовилась приветствовать отца.

И вдруг к ногам королевны бросилась Бог весть откуда появившаяся, женщина, взволнованная, дрожащая и худая, как скелет.

Она кричала страшным, диким голосом:

– Королевна, выслушай меня! Королевна, ты наслаждаешься жизнью. Ты ешь на золотых блюдах и носишь бархат и парчу. Сотни внимательных прислужниц ловят каждый твой взгляд, каждое твое слово. Кругом тебя несчетные богатства и безумная роскошь. А знаешь ли ты, как добыто все это? Тысячи людей умирали в бою, чтобы добыть тебе все эти богатства. Другие работали в поте лица, чтобы платить дань твоему отцу – победителю, который беспощадно разоряет чужие земли и убивает людей, чтобы скопить как можно больше богатства тебе, королевна. Но это еще не все. Ты поешь песни и бегаешь, счастливая и радостная, по долине, а тысячи пленников томятся в душных тюрьмах и подземельях. Между ними мой сын. Он мужествен и храбр, как горный орел, и любит, как и ты, свободу. Но твой отец приказал заковать его в цепи потому только, что он защищался против ваших воинов,

как смелый и храбрый вождь. Я пришла сюда из чужой страны, из чужого королевства, пришла сюда, старая мать, умолить тебя спасти моего сына. Спаси его, королевна, и я всю жизнь буду благословлять тебя за это.

И женщина зарыдала, обняв колени королевны Желанной. Что-то страшное, безысходное и тяжелое, как смерть, зазвучало в ее рыдании.

Королевна наклонилась, обняла несчастную, хотела сказать что-то, и вдруг третья слезинка выкатилась из лазурного глазка упала на склоненную голову рыдающей матери пленника.

Пошатнулась королевна. Смертельная бледность покрыла ее прекрасное лицо. Девушки-прислужницы подхватили ее.

В ту же минуту послышались победные клики, бряцание оружия и сам король показался во главе войска. Увидя смятение в толпе девушек, он дал шпоры коню и подскочил к толпе.

Королевна лежала на руках служанок. Ее широко раскрытый взор был поднят на короля. Он выражал мольбу и страдание за тех, кого убивали, за тех, кто томился в тюрьмах и подземельях. Потом лучистый взгляд затуманился, померк, угаснул... Голубые глазки закрылись, и с тихим вздохом улетела прекрасная, светлая душа королевны.

А в это самое время во дворец к королеве пришла закутанная в черное таинственная женщина и угрюмо сказала:

– Королевна пролила третью слезинку. То, что должно было свершиться, свершилось. Королева, у тебя нет больше дочери...

* * *

Умерла королевна, но не умерла память о ней. Король прекратил войны и набеги, распустил войска, открыл тюрьмы и подземелья и выпустил на волю измученных узников, и все это сделал в память своей дочери Желанной. В память ее же король занялся другим, светлым делом. Он кормит всех бедных и голодных страны. Сирые и бездомные, все находят приют в королевском дворце. Милосердие и мир воцарились в стране.

Лидия Чарская СТИХИ

ЗИМА

Кто в пуховой шубке белой
Легкой поступью и смелой
Вышел в час утра?
На кудрях ее пушистых
Много блесков золотистых,
Много серебра.
Эти локоны седые,
Крупно в кольца завитые,
Бьются о плечо.
На губах зари багрянец,
На щеках живой румянец
Пышет горячо.
Рукавичкою взмахнула —
Раз! Куда бы ни взглянула,
Застлан бел ковер...
Новый взмах — и речка стала,
Та, что звонко лепетала
С давних пор.
Кверху руку поднимает —
Вмиг деревья накрывает
Чистым серебром.

По вершинам бродят взоры —
И роскошные узоры
Вытканы кругом!
Эта белая шубейка
Всем знакома, чародейка, —
Матушка-зима.
С легкой поступью небрежной,
С пеленою белоснежной, —
Вот она сама!
Припасайте ж в эту пору
Снеговую, детки, гору,
На реке каток,
Благо солнечный и ясный,
Чуть морозный, но прекрасный
Выдался денек!

МУРЛЫКА

Что за прелесть мой Мурлыка,
Мой любимый серый кот!
Как он весело играет,
Как он песенки поёт!
Шерсть его мягка, как бархат,
Глазки точно угольки,
И как все его движенья
Грациозны и легки!
И за то люблю Мурлыку
Больше всех игрушек я,
Всюду с ним мы неразлучны,
Как товарищи-друзья!

НЕ РВИ ЦВЕТОВ

Не рви цветов, не надо!
Их нежный аромат
Наполнил воздух сада,
Они так красят сад!
Ведь у тебя, малютка,
Есть дома много роз...
А здесь вот незабудка.
Вот ландыш, полный слёз,
Левкой - такой душистый.
Горошек, резеда,
Ромашки серебристой
Пахучая гряды,
И с нивы занесённый
Прелестный василёк,
И мак кичливо-сонный,
И белый-белый дрок.
Не рви ж цветов, не надо!
Их нежный аромат
Наполнил воздух сада,
Они так красят сад!

СКАЧИ, МОЙ КОНЬ

Скачи, мой конь, во весь опор,
В простор живых лугов,

Где пышный стелется ковёр
Из радужных цветов!

Какой простор! Какая тишь!
Нарядна вся земля...
Кругом, куда ни поглядишь -
Цветут луга, поля...

Туда направь свой быстрый бег,
О конь мой вороной!
Ещё недавно белый снег
Лежал там пеленой.

Ещё недавно я и ты
Там мчались как-то раз,
От мрачной зимней красоты
Не отрывая глаз.

Теперь ликующий апрель
Шлёт радостный привет
И птиц восторженная трель
Звучит ему в ответ...

Скачи, мой конь, во весь опор
В простор живых лугов,
Где пышный стелется ковёр
Из радужных цветов!

А вы читали книги Лидии Чарской?